

Н.П. ТАНЬШИНА

“НАПОЛЕОНОВСКАЯ ЛЕГЕНДА” ВО ФРАНЦИИ В ГОДЫ ИЮЛЬСКОЙ МОНАРХИИ

В истории XIX в. для французов существует два символических события с крайне негативной коннотацией – Ватерлоо и Седан. Это два символа национального унижения и позора. Ватерлоо завершило эпоху величия и побед императора Наполеона I, Седан подвел черту под империей его племянника, Наполеона III. Начиная с первых лет Реставрации в массовом сознании французов формируется убеждение, характерное для всего XIX столетия: главным источником французских бед, и в первую очередь поражения под Седаном, являются договоры 1815 г. Однако именно Седан примирил французов с мыслью о Ватерлоо. Все время между двумя этими событиями французы жили в плену “наполеоновской легенды” – идеи величия Франции, ее военного могущества и побед¹. “Наполеоновская легенда” могла бы так и остаться красивым мифом, если бы не сыграла принципиально важную роль в реставрации бонапартизма во Франции после Февральской революции 1848 г., когда Луи-Наполеон был избран президентом Республики, а потом стал императором французов. Это был тот самый случай, когда идея неожиданно материализовалась.

“Наполеоновская легенда” явилась своеобразным противовесом Венским договорам, воспринимавшимся как синоним национального унижения. И это при том, что Венские соглашения вовсе не были унижительными для Франции: союзники по антинаполеоновским коалициям прекрасно осознавали, что Францию надо проучить, но надо дать ей возможность вернуться в круг “великих держав”, чтобы сохранить “баланс сил” и не создавать условий для роста во Франции экспансионистских и реваншистских идей. Несмотря на то, что уже в 1818 г. по итогам Ахенского конгресса с территории Франции после уплаты ею контрибуции были выведены оккупационные войска, идея унижения и, соответственно, реванша не исчезла из массового сознания французов. Напротив, она пустила глубокие корни. По словам известного французского наполеоноведа Ж. Тюлара, “наполеоновская легенда родилась не на Святой Елене”. Начиная с первой Итальянской кампании ее стали творить газеты, призванные поднимать моральный дух войск. Легенда расцвела вместе с официальным культом императора, навязанным имперским катехизисом, а также вместе с праздниками Святого Наполеона и бесчисленными Днями благодарения. Но окончательно она сложилась лишь после 1815 г.²

Таньшина Наталия Петровна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Отделения истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

¹ Французская историография “наполеоновской легенды” весьма обширна, она включает прежде всего работы Жана Тюлара: *Tulard J. L'Anti-Napoléon, la légende noire de l'Empereur*. Paris, 1964; *idem. Le retour des cendres. – Les Lieux de mémoire*. Т. 2. La Nation. Paris, 1986; *idem. Napoléon: le pouvoir, la nation, la légende*. Paris, 1997; *Тюлар Ж.* Наполеон, или Миф о “спасителе”. М., 2012. Из других исследований см. *Lucas-Dubreton J. Le Culte de Napoléon (1815–1848)*. Paris, 1960, а также работу Натали Петито (*Petiteau N. Napoléon, de la mythologie à l'histoire*. Paris, 2004), содержащую обширный перечень наполеоновской историографии, включая работы, посвященные “наполеоновской легенде”.

² *Тюлар Ж.* Указ. соч., с. 344.

Решающую роль в возникновении “наполеоновской легенды” сыграли изменившиеся социальные-экономические условия. По мнению Ж. Тюлара, в годы Первой империи преданность народа Наполеону была несомненной. Рабочие парижских предместьев, по крайней мере значительная их часть, даже в 1815 г. были готовы сражаться против захватчиков. Не меньшей любовью Наполеон пользовался и в крестьянской среде. Правда, в последние годы эту любовь несколько поколебали сводные налоги и обременительные рекрутские наборы.

Падение Наполеона не повлияло на рост его популярности. Промышленная революция привела к резкому снижению заработной платы на рынке рабочей силы, перенасыщенном бывшими солдатами, демобилизованными из Великой Армии. Эти отверженные вспоминали об Империи как о “золотом веке” всеобщей занятости, высоких заработков и дешевого хлеба. Наполеон без труда стал “отцом народов”. Так же относились к нему и в деревнях, где крестьяне, во всяком случае до принятия закона о миллиардном вознаграждении эмигрантов³, крепко держались за свою долю национального имущества, приобретенную в годы Революции. Словом, народ пребывал в уверенности, что именно его интересы и защищал Бонапарт⁴. А чиновничий мир ностальгировал по золотому веку бюрократии, в который вылилось царствование Наполеона.

Наконец, слава Наполеона была и славой завоевавшей Европу армии крестьян. Как писал Ф.-Р. де Шатобриан, который в своих “Замогильных записках” провел настоящее психологическое исследование феномена “наполеоновской легенды”, тщеславию французов льстило “превосходство над всей Европой, обретенное благодаря Бонапарту”⁵. Ветераны, обреченные из-за полученных ранений на праздность, черпали в воспоминаниях о былых победах оправдания своей социальной ненужности. Именно они стали верными хранителями культуры, подлинными творцами легенды, исполняя своими рассказами отсутствие запрещенных отныне лубочных картинок и уничтоженных новыми мэрами муниципальных подшивок бюллетеней Великой Армии⁶.

При этом, как верно отмечал Шатобриан, французы старались не вспоминать, что Франция в итоге потерпела сокрушительное поражение, и помнили лишь о былых победах: «Дабы не признавать, что по вине Бонапарта территория Франции и ее могущество уменьшились, нынешняя молодежь утверждает, что, если силы наши его стараниями ослабили, слава лишь окрепла. “Разве молва о нас не гремит во всех уголках земли, – говорят они, – разве неправда, что на всех широтах французов и боятся, и на них равняются, перед ними заискивают?”»⁷. Все годы революционного и наполеоновского лихолетья, все неисчислимые жертвы были компенсированы в глазах французов славой, которой их покрывал Наполеон.

Кроме того, для молодого поколения Наполеон являлся примером *self made man* – человека, который сам себя сделал. Шатобриан писал: “Чудесные победы наполеоновской армии покорили воображение молодежи, научив ее преклонению перед грубой силой. Неслыханный успех Бонапарта вселил в каждого дерзкого честолюбца надежду подняться до тех же высот”⁸.

В годы Реставрации интерес к судьбе изгнанника был весьма высок. Немало способствовало популярности императора и печальный финал его жизни. “Чем больше узнавали французы о муках, которые Наполеон претерпел на Святой Елене, – писал Шатобриан, – тем больше смягчались их сердца; воспоминания о тиране постепенно изглаживались из нашей памяти, уступая место образу полководца, сначала

³ В 1825 г. был принят закон о возмещении ущерба тем, кто в годы революции бежал за границу.

⁴ Тюлар Ж. Указ. соч., с. 345.

⁵ Шатобриан Ф.Р. де. Замогильные записки. М., 1995, с. 321.

⁶ Тюлар Ж. Указ. соч., с. 345.

⁷ Шатобриан Ф.Р. де. Указ. соч., с. 322.

⁸ Там же, с. 321.

побеждавшего наших врагов, а затем, когда они, впрочем по его вине, ступили на нашу землю, защищавшего нас от них; мы воображаем, что, будь он жив сегодня, он избавил бы нас от теперешнего позора: невзгоды возвратили его известность, несчастья умножили его славу”⁹.

В 1817 г. широкий резонанс получили запрещенные позднее апокрифические мемуары Наполеона “Рукопись, неизвестным путем доставленная со Святой Елены”, написанные, по-видимому, Л. де Шатовье, женецем, другом мадам де Сталь. В 1817–1821 гг. вышло в свет 34-томное издание “Побед и завоеваний”, посвященное европейской эпопее французской армии. Как деловое предприятие издание полностью оправдало возложенные на него надежды: книги спешил приобрести каждый бонапартист¹⁰. Но данные работы совершенно затмил “Мемориал Святой Елены”, опубликованный в 1823 г. Лас Казом. Книга выдержала четыре издания, выходявших с постоянно вносившимися исправлениями и добавлениями. Целое поколение “сынов века”, воспитанных на бюллетенях Великой Армии, нашло в “Мемориале” тот отзвук битв, которого их лишила реставрированная монархия Бурбонов.

Немало способствовали развитию “наполеоновской легенды” и французские романтики. По словам французского исследователя П. Сиприу, романтики, мечтавшие о свободе нравов, не возражали и против свободы мысли. Примером для себя они считали Наполеона. Именно он, рискнувший всем, чтобы выиграть все, стал “имперским солнцем”, “французским полубогом”, “львом пустыни”, – словом, тем самым новым Прометеем, который в итоге оказался прикованным к скалам Святой Елены¹¹. Романтизм, поначалу роялистский, превратился позднее в поэтический бонапартизм, оказав “наполеоновской легенде” ту литературную поддержку, без которой она не имела бы столь оглушительного успеха. Империю воспевали Гюго и Бальзак, Мюссе и Виньи, Дюма и Эжен Сю. Для многих из них история Наполеона была связана с историей их семей: отец Виктора Гюго воевал в Италии и Испании, а отец Александра Дюма – в Египте.

Несмотря на то, что легенда начала формироваться уже в годы Реставрации, сначала культ Наполеона I не имел той силы, которую он обрел впоследствии. В первые послевоенные годы Франция залечивала раны, и ей было не до новых побед, даже в воображении. По наблюдению мадам А. де Буань, хозяйки влиятельного литературно-политического салона в годы Реставрации и Июльской монархии, известие о смерти Наполеона на острове Святой Елены не произвело сенсации и не потрясло французское общество. “5 мая 1821 г., – писала она, – Наполеон Бонапарт испустил свой последний вздох в скалах посреди Атлантики. Судьба приготовила ему самую поэтическую из могил. Удаленная от Старого и Нового Света, принадлежащая только имени Бонапарта, Святая Елена стала колоссальным мавзолеем этой колоссальной славы; но эра его посмертной популярности еще не началась во Франции. Я слышала, как разносчики газет кричали на улицах: “Смерть Наполеона Бонапарта за два су! Его слова генералу Бертрону за два су! Разочарования мадам де Бертран за два су!” – и это производило на улицах эффект не больший, чем сообщение о потерявшейся собаке”¹².

* * *

Июльская революция 1830 г. возродила не только чувство национальной гордости, но и национальной обиды. Французы воспрянули духом и почувствовали себя готовыми к новым победам. Вновь ожили воспоминания о временах Революции и Империи, чувство необходимости ликвидировать договоры 1815 г., обязательство распространять за границы Франции идеи конституционного прогресса в качестве противовеса абсолютистским порядкам. Эти ожидания, “это дно черной патриотической страсти”,

⁹ Там же.

¹⁰ Сиприу П. Бальзак без маски. М., 2003, с. 272.

¹¹ Там же.

¹² Boigne E.-A. Mémoires de la comtesse de Boigne, t. 1–2. Paris, 2005, t. 2, p. 67–68.

по словам политического деятеля тех лет Ш. Ремюза, были широко распространены во французском обществе: среди республиканцев и орлеанистов, среди интеллектуалов и студенчества, среди либеральной буржуазии. Такие настроения подогревались и происходящим в Европе: Июльская революция стала катализатором революционных событий в Бельгии, Польше, Итальянских государствах. Французы считали себя обязанными помочь народам, борющимся за свое освобождение, а идея “экспорта революции”, апробированная в годы Революции, снова обрела огромную популярность. Как отмечал французский исследователь Ф. Дарриула, “революция 1789 г., прерванная Ватерлоо, возобновила свой ход, и никто не сомневался, что этот поток собирается все смести на своем пути”¹³. Июльская революция, по его словам, продемонстрировала силу живучести наполеоновского мифа в массовом сознании французов. Многие сожалели, что на трон взошел не “сын великого Наполеона”, а Луи Филипп¹⁴. Г. Гейне, в 1830–1840-е годы проживавший во Франции, писал: “За пределами Франции не имеют никакого представления о том, как еще сильно привязан к Наполеону французский народ... Наполеон – это для французов магическое слово, которое электризует и оглушает их”¹⁵.

Сам король Луи Филипп, в целом не любивший ни императора Наполеона, ни имперской Франции, неосторожно спровоцировал рост “наполеоновской легенды”. Он пережил наполеоновскую эпоху в эмиграции и ко всем великим и славным деяниям Наполеона не испытывал никакого пиетета, видя в его действиях лишь “великое шарлатанство” и “расстроенное воображение”. Между тем обстоятельства прихода к власти Луи Филиппа в каком-то смысле способствовали развитию “наполеоновской легенды”. Ему стоило немалых усилий, чтобы добиться признания своей легитимности в глазах монархической Европы. Император Николай I, тот до конца своих дней так и считал его узурпатором, “похитившим” корону у малолетнего герцога Бордоского, поскольку Карл X, отрекаясь от престола, назначил Луи Филиппа всего лишь регентом при своем внуке. Таким образом, “узурпатор” Луи Филипп и “узурпатор” Наполеон имели нечто общее.

“Легитимируя” Наполеона, Луи Филипп “легитимировал” и себя самого. Политик весьма прагматичный и стремящийся к популярности в народе, особенно в первой половине своего царствования, Луи Филипп прекрасно понимал, что его отношение к Наполеону могло повлиять и на отношение французов к нему самому. Можно сказать, что как его парик, знаменитый зонтик, прогулки без охраны по улицам Парижа, так и возвеличивание памяти Наполеона, – это был хорошо рассчитанный рекламный ход. Дельфина де Жирарден, на протяжении ряда лет являвшаяся автором светской колонки в газете “Ля Пресс”, принадлежавшей ее супругу Э. де Жирардену, писала в своих “Парижских письмах” 9 ноября 1836 г.: “Да здравствуют нынешние короли, умеющие льстить!”¹⁶.

Благодаря стараниям Луи Филиппа и восторженного поклонника Наполеона Адольфа Тьера, бывшего тогда министром торговли и общественных работ, на Вандомскую колонну вновь водрузили статую Наполеона. На открытии, состоявшемся 28 июля 1833 г., присутствовал сам король. Заметим, что предыдущая статуя Наполеона работы А.-Д. Шодэ была сброшена с колонны после вступления в Париж коалиционных войск в 1814 г. Вместо нее колонну венчала королевская лилия. Автором нового монумента стал скульптор Ш.-Э. Сёрре.

В эти годы “наполеоновская легенда” активно формировалась и в литературе. Начиная с 1832–1833 гг. одна за другой выходили книги воспоминаний о временах Империи. А одной из лучших театральных работ считался “Ворчун Фламбо” Э. Ростана.

¹³ *Darriulat Ph.* Les patriotes. La gauche républicaine et la nation. 1830–1870. Paris, 2001, p. 55.

¹⁴ *Ibid.*, p. 132.

¹⁵ *Гейне Г.* Собр. соч. в 6 т. М., 1982–1983, т. 4, с. 37.

¹⁶ *Жирарден Д. де.* Парижские письма виконта де Лоне. М., 2009, с. 57.

Как раз в эту пору умер герцог Рейхштадтский, сын Наполеона I¹⁷. Зимой 1833 г. появилась пьеса А. Дюма “Наполеон, или Тридцать лет истории Франции”.

За месяц с небольшим до водружения статуи, 19 июня, в журнале “Литературная Европа” появился рассказ Бальзака “Ночной разговор, или История Наполеона, рассказанная в амбаре старым солдатом”. Это повествование встретило живой интерес читателей, и его немедленно принялись перепечатывать в виде популярных брошюр тиражами до 20 тыс. экземпляров и распространять под другими названиями через уличных торговцев¹⁸. Затем этот текст вошел составной частью в “Сельского врача”, поступившего в продажу 3 сентября 1833 г. В “Сельском враче” Бальзак описал то, каким представлялся крестьянам Дофине образ Наполеона в конце 1820-х годов. В истории, рассказанной бывшим пехотинцем Гогла, превратившимся в сельского почтальона, Наполеон – мифический герой, полубог, творящий чудеса: “Короли на коленях просили пощады! Им были предложены условия мира. Под силу ли это было простому смертному? Нет. Бог ему помогал, не иначе. Он множился, как пять евангельских хлебов, днем – командовал сражением, подготовлял его ночью, так что часовые только и видели, как он ходит взад и вперед, не спит и не ест. Вот солдат как уразумел эти самые чудеса, так с тех пор и стал его отцом почитать”¹⁹.

Об обожествлении Наполеона писал и Гейне: “Как евреи не произносили всуе имени бога своего, так и Наполеона редко называют здесь по имени и зовут его чаще Человек, l' homme”²⁰. В Нормандии его поразило то, что почти в каждой крестьянской хижине он видел изображения императора, размещенные на самом почетном месте, “на той самой стене, где висел бы портрет хозяйского сына, если бы этот человек не принес его в жертву на одном из сотни полей... Чаще всего я встречал в крестьянских домах изображение императора, посещающего лазарет в Яффе или лежащего на смертном одре на острове Св. Елены. Оба изображения представляют разительное сходство с изображением святых христианской религии, ныне угасшей во Франции. На одной из картин Наполеон подобен Спасителю, от прикосновения которого словно исцеляются больные чумой; на другой он умирает искупительной смертью”²¹.

Помимо того, что Наполеон в массовом сознании представлялся божеством, для солдат он был прежде всего “отцом”. Устами своего героя Бальзак говорит: “А солдата он уважал, будто о родном сыне пекся, заботился: есть ли у тебя обувь, белье, шинель, хлеб, порох; а держал себя величаво, потому как его дело-то ведь и было царствовать... И он слушал, когда ему советовали, спал, как и мы, на снегу, словом, с виду был обыкновенный человек... Не знаю, право, как это получается, но, бывало, поговорит с нами и будто жаром обдаст, и хочется нам показать ему, что мы его послушные дети, и страх нас не берет, и мы шли как ни в чем не бывало навстречу пушкам... Даже умирающие – откуда только у них силенки брались – вставали, чтобы отдать ему честь и крикнуть: “Да здравствует император!”... “Да здравствует Наполеон, отец народа и солдата!”²².

Причем старый солдат, как и многие другие, был уверен, что Наполеон вовсе не скончался на Святой Елене: “Он (солдат. – *Н.Т.*) живет этим воспоминанием и надеждой на возвращение Наполеона, никто не убедит его в том, что император умер; он уверен, что Наполеон томится в плену по милости англичан”²³.

Рассуждая о причинах народной любви к Наполеону, Шатобриан писал в “Замогильных записках”: “Каждодневный опыт заставляет признать, что французы инстинктивно льнут к власти; они вовсе не любят свободу; их единственный кумир – равенство.

¹⁷ *Сиррио П.* Указ. соч., с. 273.

¹⁸ Там же, с. 270.

¹⁹ *Бальзак О. де.* Сельский врач. – *Бальзак О. де.* Собр. соч. в 10 т. М., 1995, т. 8, с. 553.

²⁰ *Гейне Г.* Указ. соч., с. 37.

²¹ Там же, с. 179, 181.

²² *Бальзак О.* Указ. соч., с. 560, 567.

²³ Там же, с. 489.

Меж тем равенство связано тесными узами с деспотизмом. Понятно, что Наполеон был мил французам: как воины, они льнут к власти, как демократы – обожают подводить всех под один уровень. Взойдя на трон, он усадил народ рядом с собою; король из простонародья, он заставлял королей и дворян униженно толпиться перед дверью его покоев; он уравнил все сословия, не низведя знатных до черни, но возвысив чернь до знати; первое ублажило завистливую толпу, второе потешило его собственную гордыню”. “А между тем, – продолжает Шатобриан, – этот человек, чей каток проехал по Европе, уравнив в правах всех французов к вящей их радости, смертельно ненавидел равенство и, как никто другой, способствовал явлению аристократии из недр демократии”²⁴.

Гейне тоже отмечал, что французам были близки именно идеалы равенства, что “в известном смысле Наполеон был сен-симонистским императором”²⁵. По его словам, “последний крестьянский сын совершенно так же, как и дворянин из древнейшего рода, мог достигнуть... высших чинов и приобрести золото и звезды. Поэтому-то в каждой крестьянской хижине и висит портрет императора... В его портрете многие, может быть, чтут лишь померкшую надежду на собственное величие”²⁶.

* * *

Миролюбивый внешнеполитический курс Луи Филиппа был не по нраву большинству французам. Как отмечал Гюго, осторожная внешняя политика Луи Филиппа была “навязана” французскому народу, у которого в его гражданских традициях было 14 июля, а в военных – Аустерлиц. Осознавая это, король попытался направить неуемную энергию французам в русло колониальной экспансии. На командные посты были возвращены многие деятели Революции и Первой Империи – Султ, Мортье, Себастьяни, Жерар, Клозель, Савари, Вале, Бюжо, с pietетом относившиеся к культуре и славе Наполеона и настроенные в пользу завоевательной политики. Заявивший о своем миролюбии Луи Филипп не мог удовлетворить их притязаний. В качестве компенсации он предложил им Алжир.

Июльская революция не только оживила “наполеоновскую легенду” и память о Бонапарте, но и активизировала деятельность самих бонапартистов. Еще в годы Реставрации, после Ста дней, 1 января 1816 г. был принят закон об изгнании из страны всех членов семейства Бонапарт. Падение режима Реставрации в 1830 г. возродило у бонапартистов надежды на изменение политической ситуации, однако они не оправдались: 2 сентября Луи Филипп подтвердил прежний запрет для Бонапартов появляться на территории Франции. Поэтому бонапартисты, принимавшие активное участие в Июльской революции, чувствовали себя обойденными при дележе пирога власти, узурпированной, как они считали, Луи Филиппом и его сторонниками либералами-орлеанистами.

После смерти в 1832 г. сына Наполеона I герцога Рейхштадтского²⁷ свои надежды на захват власти бонапартисты связывали исключительно с Луи-Наполеоном, племянником императора Наполеона. Поскольку в реалиях середины 1830-х годов бонапартисты не могли рассчитывать на законный, парламентский приход к власти, они по примеру итальянских карбонариев взяли курс на подготовку восстания²⁸. Попытка захвата власти, организованная ими в Страсбурге 30 октября 1836 г., провалилась. Как

²⁴ Шатобриан Ф.Р. де. Указ. соч., с. 321.

²⁵ Гейне Г. Указ. соч., с. 180.

²⁶ Там же, с. 181.

²⁷ Г. Гейне писал о реакции крестьян на смерть сына Наполеона: “Нельзя себе представить, какое впечатление произвела среди низших слоев французского народа смерть молодого Наполеона... Куда бы я ни приезжал, я всюду встречал удивительную скорбь. Люди испытывали чистую печаль, которая коренилась не в корыстолюбии нынешнего дня, а в самых дорогих воспоминаниях славного прошлого”. См. Гейне Г. Указ. соч., с. 179–180.

²⁸ Черкасов П.П. Александр II и Наполеон III. М., 2015, с. 22–23.

отмечал П.П. Черкасов, “Луи Филипп, наделенный не только осмотнительным умом, но и добросердечием, не отдал под суд племянника национального героя Франции, а ограничился высылкой его в Северную Америку”²⁹. Сообщников принца Бонапарта по письменной просьбе Луи-Наполеона амнистировали и выпустили на свободу.

Вот что писала об этом событии Дельфина Жирарден: “Самые ревностные бонапартисты приняли известие об экспедиции принца Луи с возмущением. “Наш законный *император*, – гордо восклицали они, – это Жозеф!” (старший брат Наполеона Жозеф Бонапарт после падения Империи жил то в Америке, то в Англии и не имел никаких претензий на престол. – *Н.Т.*) Слово *законный* применительно к любому из Бонапартов звучит прелестно! Эти люди, вероятно, не знают, что Наполеон не был королем! Он был героем”³⁰.

Луи Филипп вовсе не хотел, чтобы его именовали “королем баррикад”, имея в виду обстоятельства его прихода к власти. Напротив, его политика была направлена на примирение старой и новой, постреволюционной Франции. Он пытался доказать, что является не узурпатором трона, “похитившим” корону у малолетнего герцога Бордоского, а достойным преемником великих французских королей прошлых эпох. Кроме того, сам не желавший воевать и даже получивший прозвище “Наполеон мира”, король старался польстить национальному тщеславию прославлением французских военных подвигов прошлых столетий, в том числе и побед Наполеона. В 1833 г. он решил превратить Версаль в музей Франции. Случилось это после того, как Палата депутатов отказалась выделить ему 18 млн франков для соединения дворца Тюильри с Лувром. Король надеялся, что реконструкция Версаля обойдется дешевле, но ошибка: на этот проект он потратил 23,5 млн франков³¹.

Для начала Луи Филипп распорядился перенести из Дома Инвалидов в Версаль изображения маршалов Франции и устроить там портретную галерею, а затем продолжил переустройство Версальского дворца, превратив его в исторический и военный музей. Здесь была создана живописная Галерея сражений, для которой французские художники написали 33 полотна, посвященных самым прославленным битвам французских войск – от битвы франков с аллеманами при Толбиаке в 496 г. до сражения французов с австрийцами при Ваграме в 1809 г. Галерея была призвана укрепить представление о национальной общности французов. Изображенных на этих картинах вождей и главнокомандующих – от средневековых королей до Людовика XIV и революционных генералов – объединяла одна идея: все они приумножали величие Франции³². Таким образом конституционная королевская власть Луи Филиппа символически выражала свое отношение к месту, бывшему средоточием королевской власти при Старом порядке.

Официальное открытие Версальского музея состоялось 10 июня 1837 г. и было приурочено к женитьбе наследного принца, герцога Фердинанда Орлеанского на немецкой принцессе Елене Мекленбург-Шверинской. Луи Филипп видел в этом глубокий политический смысл.

* * *

Очередной мощный всплеск “наполеоновской легенды” произошел в годы Восточного кризиса 1839–1841 гг. и сопутствовавшего ему Рейнского кризиса, т.е. резко осложнения франко-немецких отношений. В условиях изоляции Франции на международной арене после подписания 15 июля 1840 г. без ее участия конвенции по делам Востока в стране развернулось широкое патриотическое движение за отмену Венской системы и возвращение Франции левого берега Рейна. Это движение было очень широким: его поддерживали республиканцы, часть орлеанистов (левый центр),

²⁹ Там же, с. 23.

³⁰ Жирарден Д. де. Указ. соч., с. 56.

³¹ Martin-Fugier A. Louis-Philippe et sa famille. 1830–1848. Paris, 2013, p. 106.

³² Ibidem.

студенчество, либеральная буржуазия и даже окружение Луи Филиппа³³. Газета “*Ля Реформ*” привела на своих страницах высказывание сына Луи Филиппа, герцога Орлеанского, который в то время будто бы заявил: “Я лучше умру на берегах Рейна, чем в сточной канаве в Париже”³⁴. (Ровно год спустя вследствие трагического инцидента он погиб буквально в парижской канаве.)

На волне всплеска патриотических и национальных чувств глава правительства А. Тьер, восторженный поклонник Наполеона и “наполеоновской легенды”, затеял операцию, названную Гюго “монументальной галиматией”, – возвращение праха Наполеона с острова Святой Елены. Впрочем, идея перезахоронения останков начала обсуждаться еще в 1838 г.

1 мая 1840 г., в день национального праздника в годы Июльской монархии, Луи Филипп заявил пришедшим поздравить его министрам: “Я хочу сделать вам праздничный подарок. Вы желаете вернуть во Францию останки Наполеона. Я с этим согласен”³⁵. В некотором смысле Луи Филипп присвоил себе идею Тьера. Как об этом писал Ш. Ремюза, занимавший тогда пост министра внутренних дел, “образ действий Наполеона, эти безумные фантазии, это упоение силой ему не подходило”, но он вывел в этой идее, удивившей англичан, способ укрепления своей популярности, присвоения себе всех французских побед³⁶.

12 мая Ремюза выступил в Палате депутатов с ходатайством о выделении кредита в размере 1 млн франков для осуществления транспортировки останков Наполеона со Святой Елены, именуя его “легитимным государем”³⁷. Воодушевившись идеей, которой руководствовались еще при создании музея Версаля, он закончил свою речь следующими словами: “Монархия 1830 г. является единственной и легитимной наследницей всех государей, которыми гордится Франция. Этой монархии, объединившей все постреволюционные силы и примирившейся со всеми революционными чаяниями, принадлежит заслуга воздвигнуть статую (Вандомскую колонну. – *Н.Т.*) и свободно чествовать память народного героя. Есть одна вещь, которая не боится сравнения со славой, – это свобода!”³⁸.

Известие о перезахоронении останков Наполеона привело страну в состояние патриотического опьянения. Для Тьера возвращение останков Наполеона во Францию являлось одновременно и политической, и литературной акцией. Как историк, этим шагом он реабилитировал революцию, поскольку считал, что ее наивысшим воплощением стало именно правление Наполеона. Как политик, он рассчитывал, что сможет обратить в свою пользу национальное честолюбие и это повысит его политический рейтинг. Вот что о Тьере писал Шатобриан: “Господин Тьер может возомнить себя Бонапартом, может думать, что его перочинный ножик не что иное, как продолжение наполеоновской шпаги, может убедить себя, что он великий генерал, может мечтать о завоевании Европы по той причине, что заделался ее летописцем и весьма неосмотрительно возвратил на родину прах Наполеона”³⁹. Действительно, вторая попытка Луи-Наполеона захватить власть показала, что Тьер играл с огнем.

Определенные дивиденды мог извлечь из этой операции и Луи Филипп. По словам Г. Антонетти, он надеялся укрепить свою легитимность, доказать, что только он, Луи Филипп, смог должным образом закончить Революцию, исправив ошибку Наполеона, сбившего ее с правильного пути, хотя и оставившего потомкам славы воспоминания. Кроме того, операция была нацелена на то, чтобы лишить наполеонидов всяких

³³ Broglie G. *L'Orléanisme. La ressource libérale de la France*. Paris, 1981, p. 300.

³⁴ *La Réforme*, 15.IX.1843.

³⁵ Guiral P. Thiers. Paris, 2004, p. 163.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Antonetti G. Louis-Philippe. Paris, 2002, p. 816.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Шатобриан Ф.Р. *де*. Указ. соч., с. 558.

претензий на власть точно так же, как в 1837 г., когда, открывая музей в Версале, Луи Филипп лишил козырных карт легитимистов⁴⁰.

Обсуждение вопроса о предоставлении кредита в размере 1 млн франков вызвало оживленную дискуссию в Палате депутатов. Наиболее ярко доводы оппозиции были сформулированы видным политиком и поэтом А. Ламартином. Выступая в Палате 26 мая, он заявил: “Хоть я и являюсь почитателем этого великого человека, я не готов все забыть и не думать о последствиях. Я не являюсь заложником этой памяти. Надо мной не властна эта наполеоновская религия, этот культ силы, который уже начал замещать в душе нации истинную религию – религию свободы. Я не думаю, что бесконечное обожествление войны есть хорошая затея, как будто бы мир, это истинное счастье и слава, может быть постыдным для наций... Мы, всерьез воспринимающие свободу, должны быть умеренными в своих проявлениях восторга. Не следуйте слепо за народным мнением; народ всегда симпатизирует тому, кто его ослепляет своим блеском, нежели тому, кто ему служит. Мы не должны собственными руками разрушать и ослаблять нашу новую представительную монархию, основанную на идеях разума и миролюбия. Иначе эта монархия потеряет всякое уважение в глазах народа”⁴¹. В заключении своей продолжительной речи Ламартин подчеркнул, что акция по возвращению останков Наполеона не должна спровоцировать во Франции “ни войну, ни тиранию... ни новых претендентов (на престол. – *Н.Т.*), ни даже имитаторов”⁴².

Употребив слово “имитаторы”, Ламартин запустил “парфянскую стрелу” в Тьера. Дело в том, что перед началом заседания в кулуарах ходило выражение Ламартина “Прах Наполеона не остыл, из него раздувают искры”. Тьер попытался отговорить Ламартина принимать участие в обсуждении, опасаясь его воспаляющих слов. “Нет, – ответил ему Ламартин, – надо обескуражить имитаторов Наполеона. – Но кто же сегодня может мечтать о том, чтобы его сымитировать? – Вы правы, я хотел сказать – пародистов Наполеона”, – усмехнулся Ламартин, и слово “пародист” облетело весь Париж⁴³.

Тьер пошел на перезахоронение останков императора французов скорее из убеждения, нежели из расчета. Для него Наполеон был героем века, он окончил Революцию, заложил прочный фундамент нового порядка. Его политика ассоциировалась с выражением народных чаяний. Образ Наполеона со временем приобрел новые черты. Все уже забыли, как дорого обошлось Франции его правление, и не хотели вспоминать, как свободно вздохнуло большинство французов, узнав о его отречении. “Триумф нашего сюзерена, – писал Шатобриан, – стоил нам каких-нибудь две или три сотни тысяч человек в год; мы заплатили за него тремя миллионами наших солдат, не больше; сограждане наши отдали ему всего-навсего пятнадцать лет, прожитых в страданиях и неволе, – кому есть дело до подобных пустяков? Ведь поколения, пришедшие после, осеняет блеск славы! А те, кто погибли... – что ж! Тем хуже для них! Бедствия, пережитые при республике, послужили спасению Франции, несчастья, перенесенные нами при Империи, принесли пользу несравненно большую – благодаря им Бонапарт стал богом, и этого довольно”⁴⁴. Даже в Марселе, городе, серьезно пострадавшем от войны и континентальной блокады, поэт, близкий к народу, Виктор Желю, славил в августе 1839 г. перед старыми солдатами “великого императора”⁴⁵.

Гюго больше, чем кто-либо другой, способствовал возвращению останков: “Сир, Вы возвращаетесь в свою столицу”. Накануне великого дня он отправил Тьеру поэму “Возвращение останков” и письмо, где говорилось: “Настоящая поэма – это та, которую Вы только что сотворили, это восхитительная поэма в действии, которая в этот

⁴⁰ Antonetti G. Op. cit., p. 816.

⁴¹ Ibidem.

⁴² Ibid., p. 817.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Шатобриан Ф.П. де. Указ. соч., с. 323.

⁴⁵ Guiral P. Op. cit., p. 164.

час возбуждает весь Париж и которая завтра промарширует на глазах у всех от Триумфальной Арки до Инвалидов. Моя поэма – это только одна из тысяч деталей Вашей, дополнение, может быть, полезное... Позвольте мне, однако, подарить ее Вам как человеку, которого я уважаю и люблю”⁴⁶.

Речь шла уже не о Наполеоне Бонапарте, реальном историческом деятеле, а о легенде, образе, порой не имеющем ничего общего ни с реальным Бонапартом, ни с его заслугами и делами. Иллюзия о Наполеоне формировала и иллюзию французов о самих себе, о месте и роли Франции, о ее величии и победах, не былых, а самых настоящих. Шатобриан писал: “Если мне удалось передать то, что я чувствую, мой портрет запечатлеет одного из величайших исторических деятелей, но я отказываюсь рисовать то фантастическое создание, чей образ соткан из выдумок, – выдумки эти родились на моих глазах, и вначале никто не воспринимал их всерьез, но с течением времени глупая и самодовольная доверчивость людская возвела их в ранг истин”⁴⁷.

Таким образом, легенда сформировалась, и никакие критические замечания не могли повредить образу Наполеона. “Ныне всякое критическое замечание, каким бы сдержанным оно ни было, почитается оскорблением святыни... Мир принадлежит Бонапарту; то, чего не успел захватить сам деспот, покорила его слава; при жизни он выпустил мир из рук, но после смерти вновь завладел им. Говорите что хотите – никто не станет вас слушать... Ныне Бонапарт уже не реальное лицо, но персонаж легенды, плод поэтических выдумок, солдатских преданий и народных сказок; это Карл Великий и Александр, какими изображали их средневековые эпопеи. Этот фантастический герой затмит всех прочих и пребудет единственно реальным”, – констатировал Шатобриан⁴⁸.

Переговоры в Лондоне относительно возможности перевозки останков Наполеона с острова Святой Елены в Париж было поручено вести Ф. Гизо, в феврале 1840 г. назначенному на пост посла Франции в Великобритании.

7 мая 1840 г. Гизо получил письмо Тьера, в котором ему предписывалось начать переговоры с лордом Пальмерстоном. В тот же день посол увиделся с английским министром и получил от него согласие. “Вот истинно французская просьба, – писал Г. Дж. Пальмерстон своему брату, отлично понимая, насколько опрометчив этот шаг французского правительства. – Но с нашей стороны было бы нелепо отвечать отказом. Поэтому мы решили дать свое согласие как можно скорее и охотнее”⁴⁹.

Как отмечала в своей переписке княгиня Д.Х. Ливен⁵⁰, в официальной депеше лорду Гренвилу, английскому послу в Париже, Пальмерстон, намекая на национальную вражду между англичанами и французами, отмечал: “Правительство Ее Величества надеется, что, если подобные чувства существуют до сих пор, они будут погребены в могиле, куда будут опущены останки Наполеона”⁵¹.

Почему Пальмерстон так легко уступил просьбе французской стороны? Вероятно, он надеялся отстоять свою позицию в более важном Восточном вопросе, для урегулирования которого Гизо и был направлен в Лондон. Кроме того, уступая в вопросе о перезахоронении останков Наполеона, Пальмерстон рассчитывал тем самым удержать Францию от попыток самостоятельной активной политики на континенте, надеясь,

⁴⁶ Ibid., p. 165.

⁴⁷ Шатобриан Ф.Р. де. Указ. соч., с. 321.

⁴⁸ Там же, с. 324.

⁴⁹ Цит. по: Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. – Русская старина, 1903, № 12, с. 626.

⁵⁰ Княгиня Дарья Христофоровна Ливен, урожденная Бенкендорф, супруга Х.А. Ливена, в 1812–1834 гг. занимавшего пост посла Российской империи в Великобритании, с 1835 г. проживала в Париже, где стала хозяйкой влиятельного политического салона. Ее близким другом был Ф. Гизо.

⁵¹ Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами, с. 626.

что она и впредь будет следовать в фарватере британской политики в рамках так называемого “сердечного согласия”.

10 мая Гизо сообщал княгине Ливен об успехе своей миссии: “Я провел за три дня переговоры по одному делу, которое наделает немало шума. С лордом Пальмерстоном приятно иметь дело, когда он одного мнения с вами. Он ведет его быстро и без фокусов”⁵². 12 мая 1840 г. английское правительство согласилось вернуть Франции останки Наполеона I.

Со своей стороны Ливен 13 мая писала Гизо о реакции во Франции на это событие и выражала опасения, что такая акция может иметь негативные последствия для социального порядка и спокойствия во Франции: “Воспретят ли семейству Бонапарта присутствовать при погребении его останков? Это было бы неслыханной несправедливостью. Но дозволить это было бы опасно. Так как эта церемония придется, быть может, на момент новых выборов, то не будет ли это подстроено левой? Словом, все это довольно странно... Я нахожу, что одинаково трудно позволить это и запретить. Несомненно одно, – что Вы создали себе этим очень большие затруднения”⁵³.

В письме английскому политику лорду Абердину (который в 1841 г. возглавит внешнеполитическое ведомство) она высказалась в более резком тоне об этой затее, имевшей, по ее справедливому замечанию, “огромное политическое значение”: “Хотят возбудить страсти, и никого нельзя ввести в заблуждение, что это просто дань памяти великому человеку”. Ливен отмечала, что “это спектакль, недостойный и нации, и героя, которого хотят прославить. После того как с энтузиазмом утвердили проект перемещения, теперь спорят о цифрах! Неделю находятся в возбужденном состоянии и торгуются! Вот вам французское легкомыслие. Стране за это будет стыдно”. Рассказывая о том, что в Париж со всех концов страны прибывают депутаты, что “возрождается 1789-й год”, княгиня делала вывод: “Все это очень по-французски!”⁵⁴.

Сообщая Гизо о реакции иностранных представителей, 18 мая она писала: “У меня был сегодня утром принц Павел Вюртембергский. Он предвидит всяческие бедствия. Он не понимает, как правительство добровольно ищет повода к смуте и уличным беспорядкам. Он говорил об этом Тьеру и страшно все преувеличивал. Тьер сказал: “Я отвечаю за все, но я один могу сделать это. При всяком другом министерстве это могло бы вызвать революцию”. Принц также добавил: “Тьер считает себя кардиналом Ришелье. Ничто не сравнится с его смелостью и самоуверенностью”⁵⁵.

Свои опасения выражал и знаменитый немецкий поэт Генрих Гейне. 30 мая 1840 г. он написал, что “если первое впечатление французов было благоприятным, а дискуссии касались только деталей: где, например, похоронить императора, то постепенно настроения изменились, по крайней мере в Палате; депутаты анализировали опасности, которые могло спровоцировать торжество и опасались усиления позиций бонапартистов”⁵⁶.

Дипломатическое поражение Франции, ее международная изоляция после подписания Конвенции 15 июля 1840 г.⁵⁷ еще больше подогрели патриотическое чувство

⁵² Там же.

⁵³ Там же, с. 627.

⁵⁴ *Gordon G.H. The Correspondence of Lord Aberdeen and Princess Lieven. 1832–1854. T. 1. 1832–1848. London, 1938, p. 141.*

⁵⁵ Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами, с. 627–628.

⁵⁶ *Guiral P. Op. cit., p. 165–166.*

⁵⁷ Разгоревшийся в конце 1830-х годов Восточный вопрос, выразившийся в конфликте между турецким султаном и пашой Египта Мухаммедом Али, в 1840 г. был перенесен за стол переговоров в Лондоне. Французское правительство, возглавляемое А. Тьером, стремясь укрепить позиции Франции в Египте и Сирии, пыталось добиться заключения двустороннего соглашения между султаном и пашой при посредничестве Франции. О закулисных действиях Тьера стало известно в Лондоне, и в результате 15 июля 1840 г. в Лондоне Великобритания, Россия, Австрия и Пруссия подписали Конвенцию, урегулировавшую конфликт между турецким султаном и пашой Египта Мухаммедом Али. Франция оказалась в международной изоляции, в стране начались лихорадочные вооруженные приготовления.

и “наполеоновскую легенду”, особенно, когда против Франции, по сути, была образована коалиция. В Париже республиканцы и бонапартисты провоцировали правительство на то, чтобы оно не шло ни на какие уступки Англии. 29 июля в связи с празднованием 10-й годовщины “Трех Славных дней” и перемещения останков жертв восстания 1830 г. к колонне Бастилии многотысячная толпа устроила шествие, распевала “Марсельезу” и освистывала министров⁵⁸. Однако это возбужденное состояние общества вовсе не свидетельствовало о том, что Франция готова была подняться, чтобы привести к власти племянника Наполеона.

Тем не менее французское общество опять страстно заговорило о победах, завоеваниях и естественных границах. В самом начале 1840 г. вышла книга А. Дюма “Наполеон”. Время ее появления отнюдь не случайно совпало с перезахоронением праха Наполеона: отец Дюма был наполеоновским генералом⁵⁹.

Самым непосредственным результатом акции по возвращению останков, с помощью которой Тьер рассчитывал укрепить собственное положение, стало то, что на политической сцене вновь появился претендент на престол – Луи-Наполеон. В 1837 г. принц вернулся из США, где подрабатывал преподаванием французского языка, в Европу, обосновался сначала в Швейцарии, а после смерти матери, Гортензии Богарне, переехал в Англию, вынашивая планы нового заговора. Когда принц узнал о решении Луи Филиппа вернуть с острова Святой Елены прах Наполеона, он решил, что настал благоприятный момент для осуществления его замыслов. В опубликованной им в июне 1840 г. в Лондоне очередной брошюре под названием “Наполеоновские идеи”, он высказывал мысль о том, что во Францию должны возвратиться не только останки Наполеона, но и его идеи о соединении порядка и свободы. И эти идеи принесет во Францию он, Луи-Наполеон Бонапарт.

Более того, свои права на престол Луи-Наполеон аргументировал тем, что только власть Наполеона была по-настоящему легитимной. “Легитимность” Бурбонов, полагал он, покоилась лишь на силе иностранных штыков, “легитимность” Луи Филиппа – исключительно на согласии, достигнутом между ним и частью депутатов, оппозиционных Карлу X. По мнению Луи-Наполеона, лишь Первая империя, наследница Революции, основывалась на истинной легитимности, исходящей из идеи всеобщего избирательного права. Один император по-настоящему “представлял” нацию; король, именуемый “представительным”, в действительности представлял лишь самых богатых налогоплательщиков Франции.

Как отмечал Г. Антонетти, эксплуатируя идею об этой легитимности, Луи-Наполеон не прекращал напоминать о своем существовании и своей кандидатуре, использовал рост “наполеоновской легенды” как политический трамплин⁶⁰. Однако Булонский заговор принца 6 августа 1840 г. потерпел поражение, и Луи-Наполеон был пленен. Процесс над ним проходил с 28 сентября по 6 октября в Палате пэров и не вызвал особого интереса в обществе. На этот раз Луи Филипп не был столь же великодушен. По приговору суда принц Бонапарт был осужден на пожизненное заключение в крепости Ам. Король, правда, распорядился, чтобы именованному узнику обеспечили сносные условия заключения, в том числе разрешили выписывать в тюрьму любые книги. В состоянии полной апатии Луи-Наполеон и его сообщники в октябре отправились в тюрьму. Проправительственная газета “Журналь де Деба” писала по этому поводу: “Сумасшедших не убивают, их сажают в тюрьму”. В 1846 г., пользуясь определенной свободой передвижения по территории крепости, Луи-Наполеон бежал и через Бельгию перебрался в Англию.

⁵⁸ *Milza P. Napoléon III. Paris, 2007, p. 122.*

⁵⁹ В 2002 г. фрагменты из книги Дюма наряду с выдержками из сочинений Гюго, Бальзака и Стендаля вошли в антологию под названием “Наполеоновская легенда”. – *La légende de Napoléon vue par Hugo, Dumas, Balzac, Stendal. Choix de textes par Gérard Gengembre. Paris, 2002.*

⁶⁰ *Antonetti G. Op. cit., p. 817.*

Доставка тела Наполеона I была возложена на третьего сына Луи Филиппа, Франсуа-Фердинанда, принца Жуанвильского. Он без энтузиазма воспринял это поручение, однако подчинился желанию отца. “Я был солдатом и не мог оспаривать приказ”, – писал он в своих воспоминаниях. Принц отмечал, что, с одной стороны, Наполеон для него – убийца герцога Энгиенского, враг его династии, который, “терпя поражение, оставил Францию разрушенную, расчлененную. Он вовлек ее в сомнительную азартную игру, где толпы наивных так часто становятся жертвами политических крупье, всеобщего избирательного права”. С другой стороны, над этим Наполеоном “возвышался бесподобный военачальник, чей гений, даже в своем поражении, обессмертил наши армии”. По признанию принца, он примирился со своей миссией, посчитав, что возвращение праха Наполеона станет “возвращением знамени побежденной Франции, которое мы вновь поднимаем, по крайней мере, мы в это верим”⁶¹.

На Святую Елену отправилась миссия, состоявшая, как заметил принц Жуанвильский, из “свидетелей взлета и падения Наполеона”. В нее вошли, в том числе, генералы Бертран, Гурго, Лас Каз. Во время путешествия велись настолько интересные разговоры – генералы вспоминали Наполеона, его битвы, разные случаи из жизни, – что принц Жуанвильский часто жалел об отсутствии стенографиста⁶².

Один из лучших кораблей французского военно-морского флота фрегат “Бель-Пуль” вышел из Тулона, взяв курс на Святую Елену, 7 июля и возвратился в Шербур 30 ноября. Время прибытия было сознательно приурочено Тьером ко времени открытия парламентской сессии. Однако это ему не помогло: 29 октября Луи Филипп сформировал кабинет во главе с Н. Сультом. Пост министра иностранных дел занял миролюбивый и склонный к компромиссам Ф. Гизо, фактически ставший реальным руководителем кабинета.

В отличие от Тьера, Гизо отнюдь не находился в плену “наполеоновской легенды”. Его восприятие и оценка Наполеона были неоднозначными. В “Мемуарах” Гизо говорилось: “С тех пор как я сам принял участие в государственном управлении, я научился быть справедливым по отношению к императору Наполеону. Это был в высшей степени могучий и деятельный гений, поражавший своей антипатией к анархии, своим глубоким административным инстинктом, энергичными и неутомимыми усилиями для воссоздания общественного остова. Но гений этот не поставил себе никаких пределов, не принимал никаких запретов своим страстям и воле ни от Бога, ни от людей. И поэтому он был революционером, несмотря на то, что постоянно боролся с революцией. Отлично осознавая насущные потребности общества, он несовершенно, можно даже сказать, грубо понимал нравственные потребности человеческой природы и то давал им полное удовлетворение, то неистово презирал и оскорблял их”⁶³. Вместе с тем Гизо полагал, что в те годы Франция нуждалась именно в таком государственном деятеле, как Наполеон, поскольку никто лучше, чем он, не мог бы преодолеть состояние анархии в обществе. И в то же время никто, как Наполеон, “не питался... такими химерами в отношении будущего. Он обладал Францией и Европой, и Европа выгнала его даже из Франции; имя его останется более великим, чем его дела, потому что славнейшее из этих дел – его победы – совершенно и навсегда исчезло вместе с ним”. Больше всего в наполеоновском правлении Гизо поражали “надменность грубой силы и презрение права, избыток революции и отсутствие свободы”⁶⁴.

Подводя итог своим размышлениям, Гизо писал о “наполеоновской легенде”: “Опыт показал силу партии бонапартистов или, точнее говоря, имени Наполеона.

⁶¹ Joinville, *prince de*. Vieux souvenirs. 1818–1848. Paris, 2008, p. 180.

⁶² Ibid., p. 180–181.

⁶³ Guizot F. Mémoires pour servir à l’Histoire de mon temps, t. 1–8. Paris, 1858–1867, t. 1, p. 5.

⁶⁴ Ibidem.

Это дорогого стоит – быть сразу и национальной славой, и гарантией революции, и принципом власти»⁶⁵.

Последний этап водного пути – по Сене от Руана до парижского пригорода Курбеуа – останки Наполеона проделали на маленьком речном пароходе, и 14 декабря их наконец выгрузили на берег. Нос этого “погребального корабля” украшали трехцветное знамя и католический крест.

Ход операции по доставке “смертных останков” Наполеона детально освещался в прессе. Подробно описывались пребывание на острове членов делегации, эксгумация, вскрытие всех саркофагов, в которых находилось тело Наполеона, его состояние, перемещение останков императора на побережье острова, а затем с помощью кранов – на корабль и путешествие обратно во Францию. Столичные и провинциальные газеты много писали о проектах сооружения величественного надгробия, которое было бы достойно праха великого человека, и о проекте величественного памятника императору, от чего со временем отказались, вполне возможно, по той причине, что это изрядно превысило бы смету предполагавшихся расходов⁶⁶.

9 декабря 1840 г. Доротея де Дино, на протяжении 22 лет неизменная спутница жизни, секретарь и подруга князя Ш.-М. Талейрана, записала в своем “Дневнике”: «Сейчас, когда Адрес⁶⁷ вотирован, все внимание сосредотачивается на “празднике останков”, как это называет парижский народ. Церемония обойдется в миллион. Тысячи рабочих день и ночь заняты приготовлениями, и тысячи зевак целыми днями за ними наблюдают. Какая нелепость, вся эта комедия. Прибыть в такой момент! В таких обстоятельствах! Мне кажется, что скалы Святой Елены были более трогательной могилой и, может быть, более надежным убежищем, нежели бурлящий и революционный Париж»⁶⁸.

Находившаяся в те дни, правда, не в Париже, а в своем замке Рошкотт, 14 декабря Доротея так комментировала столичные события: «Мне сообщают, что на знаменитой церемонии “останков” королева и принцессы будут в траурных накидках, как на похоронах Людовика XVIII. Похоже, все сошли с ума! Газеты только и пишут, что о похоронном или, скорее, триумфальном марше и о религиозных почестях, которые повсюду воздаются останкам императора. За истекшие 40 лет Наполеон уже второй раз окажет французам ту же услугу – он их примирит с религией. Очень любопытно видеть коленопреклоненное население, окруженное клерикалами, благословляющими этот “прах”; очень любопытно повсюду наблюдать за этими церковными благословениями народного героя... Мне кажется очевидным, что эти знаки почтения прославляют не законодателя, а узурпатора и завоевателя»⁶⁹.

Княгиня Ливен в это же время писала Доротее Дино из Парижа: “Больше не говорят об обсуждении Адреса; все это забыто ради погребения Наполеона. Похороны будут превосходными. Надеюсь, они ничем иным не станут”⁷⁰. Здесь княгиня намекает на настроения в обществе, вызванные ультрапатриотической антианглийской риторикой, к которой летом – осенью 1840 г. охотно прибегали верные Тьеру журналисты. Она оживила в народе память о поражениях 25-летней давности. Парижские простолюдины вспомнили о Ватерлоо и стали вымещать обиду на англичанах, находившихся в Париже, – от слуг до дипломатов. Перед церемонией 15 декабря ходили слухи, что толпа намерена разгромить здание английского посольства. Известен случай, когда на одной из улиц предместья Сен-Оноре толпа встретила экипаж английского посла во

⁶⁵ Ibid., t. 2, p. 203.

⁶⁶ *Искюль С.Н.* “Наполеон” А. Дюма: к истории издания. – Дюма А. Наполеон. СПб., 2012, с. 9.

⁶⁷ Адрес – документ, который формировался в парламенте в ответ на тронную речь короля.

⁶⁸ *Dino D.* *Cronique de 1831 à 1862*, t. 1–4. Paris, 1909–1910, t. 2, p. 428.

⁶⁹ Ibid., p. 432–433.

⁷⁰ Ibid., p. 433.

Франции криками: «Долой англичан!»⁷¹. Об этих настроениях писала и Доротея Дино: «Герцогиня Монморанси сообщила мне следующее: «Говорят, что есть намерение отправиться в английское посольство и уничтожить особняк; поговаривают также, что в отеле находятся войска, и что леди Гренвил съехала. Полагают, что на церемонии будет порядка 800 тыс. человек»⁷².

Перезахоронение останков Наполеона вызвало живое любопытство и за пределами Франции. Княгиня Ливен сообщала Доротее Дино: «Вся женская Россия здесь: пять придворных дам в Париже. В Санкт-Петербурге осталось только четыре!»⁷³. Что касается реакции дипломатического корпуса, то, по словам всезнающей княгини, «послы заявили, что они не будут присутствовать на церемонии. Для большинства из них, я знаю, это их собственное решение; лорд Гренвил (посол Великобритании. — *Н.Т.*) делал запрос. После некоторых колебаний ему сказали, чтобы поступал так же, как остальные»⁷⁴.

«Праздник почившего изгнанника, с торжеством возвращающегося на родину», как образно назвал церемонию Виктор Гюго, состоялся в Париже 15 декабря 1840 г. и, несмотря на опасения, прошел без эксцессов.

На площади перед Домом Инвалидов были устроены подмости, на которых разместились 100 тыс. человек. По обе стороны аллеи установили два ряда колоссальных статуй, изображавших героические фигуры, а напротив Дома Инвалидов возвышалась гипсовая статуя императора.

Люди стояли вдоль всего пути следования погребальной колесницы. Из порта Курбева кортеж добрался до Триумфальной арки на площади Звезды, оттуда процессия проследовала по Елисейским Полям до площади Согласия, по мосту Согласия пересекла Сену и направилась к Дому Инвалидов. На всем пути колесницу приветствовали толпы людей, стучавших ногами из-за пронизывающего холода, чтобы согреться. В столице в этот день по парижским меркам было необычайно холодно — до минус 10 градусов.

За гробом шли маршал Никола-Шарль Удино (наполеоновский маршал, в 1810 г. получивший от императора титул герцога Реджио), который нес кисти от погребального покрывала, маршал Молитор, генерал Бертран и адмирал Руссен.

Появление колесницы воспринималось как Богоявление: французы, побежденные Веллингтоном и Пальмерстоном, как бы не замечали реальности, погруженные в мир иллюзий. После официального приема, когда повозка прибыла в храм св. Людовика Дома Инвалидов⁷⁵, принц Жуанвильский сказал королю: «Сир, я представляю вам тело императора Наполеона». «Я принимаю его от имени Франции», — ответил король твердым голосом⁷⁶.

Об этом событии осталось множество свидетельств современников. Дельфина де Жирарден в очерке от 20 декабря писала: «На церемонии присутствовало шестьсот

⁷¹ Жирарден Д. Указ. соч., с. 346.

⁷² Dino D. Op. cit., t. 2, p. 434.

⁷³ Ibid., p. 433–434.

⁷⁴ Ibidem.

⁷⁵ Останки Наполеона были перезахоронены в храме св. Людовика, составляющего центр архитектурного комплекса Дома Инвалидов. Саркофаг был изготовлен из карельского мрамора, доставленного в Париж из России, несмотря на более чем прохладное отношение Петербурга к Июльской монархии и «королю-гражданину». Это был дар императора Николая Павловича, чтившего Наполеона как великого полководца.

⁷⁶ Antonetti G. Op. cit., p. 819. По версии принца Жуанвильского, предполагалось, что он должен был обратиться к королю с торжественными словами и услышать не менее торжественную ответную фразу. Но принца, по его словам, об этом просто забыли предупредить, поэтому он молча приветствовал короля взмахом шпаги. Поскольку молчаливая церемония выглядела нелепо, Луи Филипп был вынужден импровизировать и произнес несколько слов, опубликованных затем в официальной газете «Лё Монитёр универсель». См. Joinville, prince de. Op. cit., p. 192.

тысяч человек, и из этих шестисот тысяч всего две сотни оказались смутьянами, которые пытались нарушить торжественную тишину своими криками. (Люди кричали: “Долой аристократов!” А также: “Долой предателей! Долой Гизо!” – имелось в виду нежелание Луи Филиппа и его министра втягивать Францию в европейскую войну и тем самым взять реванш за поражение Наполеона)»⁷⁷.

Сын короля принц Жуанвильский тоже отмечал, что, когда процессия двигалась по Елисейским Полям, раздались крики: “Долой изменников!” Поскольку он долго отсутствовал во Франции, то сначала не понял, о чем идет речь. “Но мне объяснили, – вспоминал он, – что эта манифестация была адресована моему отцу и его министрам, отказавшимся вовлечь Францию во всеобщую войну из-за событий на Востоке”⁷⁸.

Доротея Дино в своем дневнике записала, что в телеграмме, полученной ее сыном от префекта полиции, сообщалось: “Все прошло хорошо, исключая небольшую демонстрацию, устроенную 50 людьми в блузах, которые на площади Людовика XV хотели устроить кордон, но были рассеяны”⁷⁹.

Дино так охарактеризовала настроение в обществе в те дни: “Полностью забыли угнетение, всеобщее несчастье, захлестнувшее Европу на 26 лет; сегодня вспоминают единственно о его (Наполеона. – *Н.Т.*) победах, делающих его память такой популярной. Франция, жадно думая о свободе, Франция, унижающаяся перед заграницей, прославляет человека, заковавшего эту свободу в оковы и являвшегося самым ужасным из завоевателей... Мне нравится, что Наполеон возвращается во Францию на щите”⁸⁰.

Дельфина де Жирарден в свою очередь восторгалась реакцией парижан: “Как прекрасно было зрелище великодушного народа, с любовью приветствовавшего гроб победителя! Сколько рвения! Сколько волнения! Четырехчасовое ожидание под снегом ни у кого не отбило охоту присутствовать на церемонии”⁸¹.

Сообщая о церемонии, герцогиня Дино приводила также наблюдение мадам де Мольен, придворной дамы королевы Марии Амелии, о разнице восприятия Наполеона и всей церемонии обывателями и членами королевской семьи, собравшимися в храме св. Людовика: “Насколько этот праздник был популярен на улицах Парижа, настолько же непопулярен он был там, где я находилась. Перед тем как зайти в церковь, собрались в пространстве собора или, скорее, часовни без алтаря, уже использовавшейся по аналогичному поводу во время похоронной церемонии жертв Фиески⁸². Королевская семья, министры, домочадцы, включая наставников, все собрались и два часа ожидали... Никто не вспоминал об императоре”⁸³.

После этих событий в обществе значительно возросла популярность принца Жуанвильского. Однако сам он, по словам мадам де Буань, не особенно был этим польщен и иронично называл экспедицию “путешествием извозчика”⁸⁴. Герцог Жуанвильский, рассказывала мадам де Буань, как бы желая отомстить отцу, после своего возвращения вел жизнь более легкомысленную, чем прежде, и говорил весьма забавно, что в то время, как отец отправил его покорять моря (“mers” по-французски означает и “моря”, и “матери”), надо было отправить его покорять дочерей. Но принц быстро заскучал на суше и вскоре добился разрешения вновь оказаться на родном фрегате.

⁷⁷ Жирарден Д. Указ. соч., с. 346.

⁷⁸ Joinville, prince de. Op. cit., p. 193.

⁷⁹ Dino D. Op. cit., t. 2, p. 435–436.

⁸⁰ Ibid., p. 435.

⁸¹ Жирарден Д. Указ. соч., с. 345.

⁸² Жозеф Фиески (1790–1836) – французский подданный корсиканского происхождения. В 1835 г. совершил покушение на жизнь короля Луи Филиппа и его семьи. Король и один из его сыновей были лишь слегка поцарапаны, но 12 человек из свиты Луи Филиппа погибли, многие получили ранения. Фиески вместе с пособниками был приговорен к гильотине.

⁸³ Dino D. Op. cit., t. 2, p. 436.

⁸⁴ Boigne E.-A. Op. cit., t. 2, p. 614–615.

23 декабря герцогиня Дино упоминает о письме, полученном ею от политического деятеля и дипломата Н.-А. Сальванди. “Он сожалел, что было слишком много золота, золота повсюду и везде. Видимо, распорядители праздника полагали, что это наилучшим образом подходит прославлению. Он пишет также, что не было ничего менее религиозного, чем эта религиозная церемония”⁸⁵.

Об этом же Дино сообщал и сын короля Луи Филиппа, герцог Ноайль. По его словам, когда публика ожидала повозку в Доме Инвалидов, “все были заняты только холодом и тем, как бы от него спастись; религиозное чувство было малозаметным, все думали лишь о светском действе”⁸⁶.

Об отсутствии религиозного трепета и обилии позолоты писал в своем дневнике и посол Австрийской империи граф Р. Аппоньи, как и другие дипломаты, не присутствовавший на церемонии, но наблюдавший за ней из окон посольского особняка: “В кортеже не было духовенства, двора, высших сановников. Он состоял только из пешего и конного войска и Национальной гвардии, следовавшей с несколькими пушками, принца Жуанвильского верхом на коне в окружении двух адъютантов и моряков. Чтобы нарушить монотонность кортежа, к нему добавили муниципальную гвардию, несущую каждая на конце дрезва надпись с названием одного из департаментов”.

“Колесница была красивой и даже превосходной в своих деталях, но, вся позолоченная, она очень напоминала повозку с откормленной говядиной! И это Наполеон, привезенный издалека, чтобы служить зрелищем для парижан, для этой толпы, жадной до удовольствий и потрясений! Никогда траурная церемония не была менее трогательной, и никогда эпические воспоминания об истории Франции не вызывали так мало энтузиазма: на лицах этого миллиона людей, прошедшего по Елисейским полям, я наблюдал только выражение любопытства”, – писал Аппоньи⁸⁷.

По мнению Виктора Гюго, в этой церемонии “не было правды, а потому и вышла она вся какой-то фальшью и надувательством. Правительство как будто испугалось вызванного им призрака. Показывая Наполеона, оно в то же время старательно скрывало его, намеренно оставляя в тени все, что было или слишком велико, или слишком трогательно. Грандиозная действительность всюду пряталась под более или менее роскошными покрывалами. Императорский кортеж, долженствовавший быть всенародным, ограничен одним военным, настоящая армия подменена Национальной гвардией, собор – домашней капеллой Инвалидов, наконец, действительный гроб подменен пустым ящиком”. Подменили, по словам Гюго, даже лошадь, белого коня, покрытого фиолетовым крепом, которого большинство принимало за настоящего боевого коня Наполеона, “не соображая, что если б он прослужил Наполеону хоть только два года, и то ему теперь было бы целых тридцать лет – возраст почти невозможный для лошади”. На самом деле это была всем известная старая лошадь, которая вот уже десять лет фигурировала в роли боевого коня на всех парадных военных похоронах⁸⁸.

Церемония перезахоронения останков Наполеона еще долго была самым обсуждаемым событием. Через несколько дней Дельфина де Жирарден писала: «Париж по сей день только и говорит, что о знаменательном событии. Все спрашивают друг у друга: “Ну и как вы все это вынесли?” Для того чтобы вынести все с начала до конца, требовалось в самом деле немалое мужество; недаром сразу после церемонии все кругом сделались больны. Все разговоры начинаются с жалоб; каждый перечисляет недуги, какими поплатился за присутствие на церемонии. Лишь затем начинается обмен впечатлениями»⁸⁹.

Церемония не только долго обсуждалась. В течение нескольких дней после нее австрийский посол был свидетелем того, что, по его словам, называют “паломничеством

⁸⁵ *Dino D.* Op. cit., t. 2, p. 440.

⁸⁶ *Ibid.*, p. 439.

⁸⁷ *Apponyi R. de.* Journal. 1826–1848. Présenté et annoté par Nicolas Mietton. Paris, 2008, p. 472.

⁸⁸ *Гюго В.* Посмертные записки. 1838–1875. М., 2007, с. 26, 37.

⁸⁹ *Жирарден Д. де.* Указ. соч., с. 346.

к могиле Наполеона”. Дипломат наблюдал за происходящим из посольского особняка. Главное чувство, которое, по мнению графа Аппоньи, побуждало людей часы проводить на морозе, – это любопытство. “Чувство любопытства двигало толпой, сдавливало ее, и люди затоптали бы друг друга, если бы не разумные и решительные меры, принятые для ее сдерживания. Шеренга из штыков предохраняла нескончаемую очередь, сформированную из плотной массы любопытствующих, от тех, кто прибыли последними, но хотели оказаться впереди тех, кто уже несколько часов находился в очереди, ожидая при морозе минус пять-шесть градусов счастливого момента, когда же можно будет пересечь решетку отеля Инвалидов, откуда открывалась церковь... внутри которой находился огромный позолоченный катафалк, окруженный трибунами и подмостками, покрытыми красивой фиолетовой тканью, окаймленной золотой бахромой и усыпанной восхитительными пчелами. Однако, насладившись этой торжественной мизансценой, толпа выходит из церкви как из бального или зрительного зала! Могло ли быть иначе, если в пространстве нефа она не видела ни священника, ни религиозных атрибутов?”⁹⁰.

Но более всего посол был поражен огромным людским потоком: “То, что мне показалось самым важным, я даже скажу, самым поразительным, это ужасная толпа, следовавшая за кортежем и двигавшаяся от моста Нейи до Триумфальной арки, толпа, похожая на вертящийся, бурлящий поток, из которого доносились крики, песни, брань. Ничто не могло противостоять неудержимому любопытству этой движущейся массы. Взводы линейных войск, Национальной гвардии, солдаты... ограждения и наспех, с неверным расчетом установленные помосты были опрокинуты, сметены и истоптаны десятками сотен тысяч ног мужчин, женщин, детей, составлявших единое тело, снабженное миллионом глаз. Эта нового вида гидра растянулась до площади Людовика XV, где она разделилась, чтобы потом рассеяться и растечься по саду Тюильри, по набережным и улицам, стремясь укрыться от лютого холода”⁹¹.

Итак, события, связанные с перезахоронением останков Наполеона, свидетельствовали об окончательном формировании легенды о нем. “История его завершилась и началась эпопея”, – подытожил Шатобриан⁹².

Очень точно проследила процесс трансформации общественного сознания и формирования “наполеоновской легенды” проницательная Жирарден: “История в конце концов примиряет своих детей со всем светом. Взять хотя бы этого подлого узурпатора, коварного корсиканца, отвратительного тирана, ненасытного людоеда, мерзкого крокодила; его проклинали, его ненавидели, его изменяли, больше того, его забыли!.. И что же? Теперь те, кто его проклинали, им восхищаются, те, кто его ненавидели, ему поклоняются, те, кто ему изменили, его оплакивают, те, кто его осуждали, его воспевают... Какие удивительные превращения! А ведь прошло всего два десятка лет! Как! Неужели ненависть так непостоянна!”⁹³.

Она определила также и одну из главных причин популярности императора Наполеона I в массовом сознании французов: “Он единственный был честен с народом, а не взывал к его рыцарскому великодушию и не обольщал его блистательными обманами... Наполеон сказал французам: “Сражайся за меня!” – и французы пошли за этим человеком с восторгом, и поклоняются его памяти по сей день, и будут поклоняться ей вечно, потому что он один понял их, он один не требовал от них никаких преступлений, он один не прививал им дурных страстей, он лишь приказывал им гибнуть с честью на поле боя”⁹⁴. В этом, может быть, кроется и разгадка непопулярности Луи Филиппа, который призывал французов не к славе и смерти во имя побед, а к стабильности и умеренности.

⁹⁰ *Apponyi R. de*. Op. cit., p. 471, 471–472.

⁹¹ *Ibid.*, p. 472.

⁹² *Шатобриан Ф.Р. де*. Указ. соч., с. 325.

⁹³ *Жирарден Д.* Указ. соч., с. 348.

⁹⁴ Там же, с. 345.

Кто же в конце концов воспользовался этим пропагандистским ударом? Выиграл ли от операции по возвращению останков Луи Филипп, обратил ли он ее на пользу себе, своему режиму и своим наследникам?

Ошеломляющим эффектом этой “самой внушительной народной демонстрации, которую знала Июльская монархия”, как отмечал Ф. Дарриула, не сумел воспользоваться ни король, ни Тьер, отправленный Луи Филиппом в отставку, ни правительство в целом. Враждебные выкрики, пусть и немногочисленные, раздававшиеся во время церемонии, свидетельствовали об отношении к режиму. Освящая вхождение Наполеона в Пантеон национальных героев, цензурная монархия, по мнению французского историка, рисковала пробудить нежелательные для нее чувства и вызвать сравнения явно не в ее пользу. Он подметил еще одну важную деталь: победы Наполеона являлись аргументом для противников Луи Филиппа, критиковавших его внешнюю политику. Национальная слава, ассоциировавшаяся с именем Наполеона, требовала проведения более активной и наступательной внешней политики⁹⁵. Именно умеренная внешняя политика Луи Филиппа была главным объектом критики со стороны оппозиции.

* * *

В следующий раз “наполеоновская легенда” сработала уже после революции 1848 г. Луи-Наполеон вновь воспользовался ситуацией, и теперь ему сопутствовала удача. Революция освободила из тюрем политических заключенных, в том числе и сторонников Бонапарта. Они тут же развернули широкую кампанию в поддержку своего вождя и обеспечили ему на майских выборах 1848 г. избрание в Учредительное собрание сразу от четырех департаментов. Уже через два месяца его кандидатура была выдвинута на пост президента республики, и на выборах 10 декабря 1848 г. Луи-Наполеон получил более 74% голосов, оставив далеко позади всех других претендентов. В предвыборной кампании своего вождя бонапартисты умело использовали ностальгические настроения общества, прежде всего крестьянства.

В 1836 г., после первой попытки Луи-Наполеона захватить власть, Жирарден с сарказмом замечала: “Сын героя (Наполеона I. – *Н.Т.*) может ему наследовать, ибо на него переходит часть отцовской славы, однако до племянников лучи этой славы не достягают. Герцога Рейхштадтского законным наследником престола делало не право, а власть воспоминаний. Увы, власть эта умерла вместе с ним, и родственникам ее не воскресить”⁹⁶. На сей раз пророчества журналистки себя не оправдали: оказалось, что власть воспоминаний вовсе не умерла. 2 декабря 1852 г. принц-президент Луи-Наполеон был провозглашен императором французов под именем Наполеона III.

Драма Луи Филиппа Орлеанского и орлеанистов в целом заключалась в том, что французское общество не устраивал их миролюбивый внешнеполитический курс. Вплоть до поражения 1870–1871 г., когда Седан напомнил о Ватерлоо, инерция внешнеполитического экспансионизма, рожденная Революцией конца XVIII в. и ярко воплотившаяся в наполеоновских войнах, продолжала будоражить французское общество. В заключение заметим, что в национальной памяти французов Наполеон III и его политика, несмотря ни на что, занимают гораздо более важное место, нежели Луи Филипп и орлеанисты.

---

⁹⁵ *Darriulat Ph.* Op. cit., p. 133, 134.

⁹⁶ *Жирарден Д.* Указ. соч., с. 56.